

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ В ОСНОВЕ ПРОПОВЕДЕЙ ПРОТОИЕРЕЯ АНДРЕЯ ТКАЧЕВА

Хамраева Алена Александровна

Соискатель, Кубанский государственный университет,
г. Краснодар
alena.lepa@mail.ru

ARTISTIC TEXT BASED ON THE SERMONS OF ARCHPRIEST ANDREY TKACHEV

A. Khamraeva

Summary: The article is devoted to the study of intertextual features of religious discourse texts, which are based on the interpretation of a literary text. Explaining to readers the meaning of a literary text, Priest Andrey Tkachev attracts a large number of precedent phenomena, the sources of which are both literary texts and Holy Scripture. Unlike a traditional sermon, the author does not give a ready conclusion, but only leads the reader to a Christian understanding of the interpreted work. The result of the analysis of the texts of Archpriest Andrey Tkachev was the construction of a model of the intertextual field that makes up the fabric of the sermons considered.

Keywords: precedent phenomenon, intertextuality, religious discourse, literary text, sermon.

Аннотация: Статья посвящена исследованию интертекстуальных особенностей текстов религиозного дискурса, в основе которых лежит интерпретация художественного текста. Разъясняя читателям смысл художественного текста, священник Андрей Ткачев привлекает большое количество прецедентных феноменов, источниками которых являются как художественные тексты, так и Священное Писание. В отличие от традиционной проповеди автор не дает готового вывода, а только подводит читателя к христианскому осмыслению интерпретируемого произведения. Результатом анализа текстов протоиерея Андрея Ткачева стало построение модели интертекстуального поля, составляющего ткань рассмотренных проповедей.

Ключевые слова: прецедентный феномен, интертекстуальность, религиозный дискурс, художественный текст, проповедь.

Введение

Одним из наиболее активно развивающихся научных направлений в языкознании является разноаспектное изучение различных видов дискурса. Религиозный дискурс представляет собой сложное образование с развитой жанровой структурой, ценностной спецификой, богатой системой концептов и рядом языковых и интертекстуальных особенностей.

Объектом нашего исследования стали особенности интертекстуальных связей в текстах религиозного дискурса. Они заключаются в том, что существует определенный традиционный набор прецедентных текстов, использующихся в различных жанрах религиозной коммуникации. С другой стороны, церковь как общественный институт не может оставаться в стороне от событий, происходящих в жизни паствы, поэтому круг прецедентных текстов расширяется. Русская и мировая классическая литература также становятся источниками интертекстуальности в религиозном дискурсе. Этим и обусловлена **актуальность** данного исследования.

Новизна настоящей работы заключается в рассмотрении текстов религиозного дискурса, в которых источниками интертекстуальности является художественный текст.

Целью нашего исследования является изучение интертекстуальных связей в текстах проповедей протоиерея

Андрея Ткачева, стимулом создания которых стали художественные произведения. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: отобрать проповеди, основанные на художественных текстах; установить источники интертекстуальности в отобранных проповеднических текстах; выявить их интертекстуальные особенности; представить результаты анализа в виде общей модели построения текста.

Изложение основного материала исследования

Понятие интертекстуальности восходит к идее М.М. Бахтина о существовании диалога между текстами. Эта идея, поддержанная и развитая французскими постструктуралистами, такими как Ю. Кристева, Ж. Деррида, Р. Бардт, дала мощный толчок для изучения взаимодействия между текстами. Феномен интертекстуальности активно изучается в различных видах дискурсов: научном (Н.А. Кузьмина), политическом (Н.А. Сегал, А.Н. Мищенко), медийном (Е.Н. Золотухина), рекламном (А.Г. Рябинина), художественном (Н.А. Кузьмина), религиозном (Е.В. Бобырева, Т.И. Кошелева) и т.д.

Результаты работ, посвященных исследованию интертекстуальности в религиозном дискурсе, сводятся к положению о том, что основным претекстом в различных жанрах религиозной коммуникации являются книги Ветхого и Нового Заветов. По словам Н.Б. Мечковской, они являются «смысловым ядром, силовое поле которо-

го порождает новые смыслы и новые тексты» [1. С.148].

Т.И. Кошелева в статье «Интертекстуальность в религиозном дискурсе» рассматривает способы включения библейского текста в разных видах текстов религиозного дискурса: проповедях, богослужбной гимнографии, догматических научных текстах, бытовой речи [2]. Интертекстуальную структуру проповеди изучает Е.В. Бобырева и считает интертекстуальность одной из композиционных закономерностей построения текста проповеди, а также отмечает, что проповедь не сводится к простому цитированию Библии, но содержит личное отношение автора к сказанному [3]. Постоянное цитирование сакрального текста способствует возникновению в текстах религиозного дискурса особого типа общения, который О.А. Прохвятилова называет гиперкоммуникацией [4].

Одна из основных функций категории интертекстуальности в религиозном дискурсе – текстопорождение – наиболее выражена в таком жанре религиозного дискурса, как проповедь. Согласно определениям из различных толковых словарей, проповедь – это:

- «1. Речь религиозно-назидательного характера, которая обычно произносится в церкви. 2. Неподобно. Нравоучительная речь; поучение, наставление» [5];
- «1. Речь религиозно-назидательного содержания, произносимая в храме во время богослужения. 2. перен. Распространение каких-либо идей, взглядов (книжн.)» [6. С. 612];
- «Речь религиозно-поучительного характера, произносимая священнослужителем в храме во время богослужения и имеющая основной своей задачей поведать и разъяснить слушающим учение Иисуса Христа» [7].

Приведенные определения отражают несколько дискурсивных характеристик текста проповеди:

- вербальный характер (вербальное выражение) – каким образом;
- дискурсивный хронотоп – церковь (храм) – где;
- трансляция какой-либо идеи (учение Иисуса Христа) – что;
- распространение, назидание – для чего.

Охарактеризуем каждую из приведенных позиций проповеди.

Первая характеристика текста проповеди – вербальное выражение. Вслед за Д.И. Звездиным, христианской проповедью считаем все, что может способствовать распространению христианского вероучения. Поэтому в широком смысле можно считать проповедью преподавание основ православной культуры в школе, речь священника после богослужения, выступление в СМИ, общение на темы веры, нравственности и морали с

представителями различных социолингвистических общностей (школьниками, военнослужащими, заключенными и т.д.) [8. С. 37]. В широком смысле проповедь, имеющая вербальное выражение, представляет собой текст, свободный в отношении своей композиции и выбора языковых средств, в отличие от традиционной проповеди – строгой, построенной по правилам классической риторики речи.

Вторая характеристика проповеди – хронотоп. Современная проповедь выходит за пределы храма. Благодаря развитию информационных технологий проповедь может звучать в любом месте и в любое время. Таким образом, христианская проповедь «отделяется» от своего дискурсивного хронотопа, становится вне привязки к храму и богослужению и осуществляется на разных информационных платформах: интернет-порталах, телевидении.

Третья характеристика отражает неизбежность обращения автора проповеди к претексту – Священному Писанию, которое, в свою очередь, является гипертекстом: все тексты Библии «разбиты на стихи, пронумерованные в каждой Книге без повторений. Многие из этих стихов сопровождаются ссылками на другие стихи, что позволяет читать Библию нелинейно, следуя порядку ссылок и параллельных мест» [9. С. 48].

Сакральный текст становится стимулом для сознания нового текста – проповеди, так как требует распространения и толкования. В то же время тексты Священного Писания могут стать и источником аргументации. Эти «функции» сакрального текста реализует в зависимости от типа проповеди, в которую он «вовлечен». Связь проповеди со Священным Писанием может быть как эксплицитной – через цитирование, пересказ / конкретные интертекстемы, так и имплицитной – через транслируемые в тексте проповеди идеи.

Кроме обязательной ссылки на сакральный текст, Е.Е. Сахарова выделяет «содержательные характеристики», относящиеся к любой христианской проповеди:

- «гуманизм – общечеловеческая направленность христианских проповедей»;
- «актуальность – злободневность вопросов, обсуждаемых в проповеди»;
- «толерантность – проявление терпимого, уважительного отношения к другим людям (любовь к ближнему), в том числе иноверцам» [10. С. 8].

Обозначенные содержательные характеристики проповеди способствуют присутствию в ней ссылок на различные прецедентные тексты, в том числе и художественные. Проповедь может иметь в качестве основы художественный текст, соотносящийся с христианскими идеями и ценностями.

Четвертая характеристика – прагматическая установка проповеди варьируется в зависимости от коммуникативной цели конкретной проповеди. Цель проповеди определяет ее композицию и выбор языковых средств и речевых стратегий. Традиционно различают такие виды проповедей, как гомилия, поучение, слово и речь. Гомилия – проповедь, целью которой является толкование текстов Священного Писания. В поучении излагаются догматические и нравственные основы христианского вероучения. Слово берет свое содержание из идеи церковного года и опирается на Евангельское чтение каждого богослужения. Предметом слова могут быть текущие церковные праздники, события священной истории, жития святых. Речь освещает современные события церковной или общественной жизни [11].

Итак, рассмотрев дискурсивные характеристики проповеди, обозначенные в традиционных определениях, приходим к выводу, что современная православная проповедь имеет неоднородную композиционную структуру, не имеет ограничений во времени и пространстве, в плане содержания опирается на Священное Писание, ставит своей прагматической целью распространение и толкование сакрального текста и назидание людей в вере.

Такое понимание проповеди позволяет нам считать, что публицистические статьи протоиерея Андрея Ткачева граничат с жанром проповеди, ведь эти тексты не имеют строгой композиции; функционируют в печатном и медиа-пространстве; имплицитно опираются на сакральный текст; их коммуникативной целью является разъяснение основ христианского вероучения – то есть являются проповедями в широком смысле слова.

Рассмотрим проповеди, основанные на художественных текстах, автором которых является протоиерей Андрей Ткачев. Тексты этого автора изобилуют интертекстами, отсылающими читателя к текстам русской и зарубежной литературы. Интертекстами, вслед за Е.Н. Золотухиной, считаем «формы выражения интертекстуальности, которая намеренно (или ненамеренно) включается в дискурс субъектом речи для передачи намека на текст иного дискурса» [12. С. 8].

Первый анализируемый текст из книги «Мы вечны. Даже если этого не хотим» называется «Мертвые души» [13. Т. 2. С. 43–51]. Такой заголовок актуализирует в сознании читателя комплекс прецедентных феноменов: прецедентный текст – поэму «Мертвые души» и прецедентные имена героев поэмы и ее автора. Эта актуализация подкрепляется тем, что автор называет некоторые из этих имен: *Павла Ивановича Чичикова, кучера Селифана, Собакевича, Манилова и Николая Васильевича Гоголя.*

Проповедь начинается с вопроса: «Знаете ли вы Павла Ивановича? Какого, спросите?» [13. Т. 2. С. 43] и автор

сам отвечает словами из поэмы: «*Ну как же! Милейшего человека средних лет, приятного общения, не то, чтобы толстого, но и совсем не худого. Не очень высокого, но вовсе и не низкого. Неужели не вспомнили? Да Чичикова же! Чему вас только в школе учили?»* [13. Т. 2. С. 43]. Авторский вопрос «Чему вас только в школе учили?» говорит о том, что автор сознательно актуализирует в сознании читателя фоновые знания, необходимые для понимания дальнейшего текста.

Проповедь представляет собой анализ образа Чичикова. О. Андрей приводит его портрет как героя поэмы при помощи цитирования, называет его типические особенности как образа русского капиталиста, определяет его главную из них – «*умение делать деньги из воздуха*», переносит эти черты на своих современников, не называя их: «*Пишу и думаю, уж не являются ли «Мертвые души» настольной книгой у творцов ваучерной приватизации, дефолтов, купонов, бартерных схем – словом, у тех, кто обогатился в известные времена за одну ночь ли за неделю, оставив народ с фигурой из трех пальцев?»* [13. Т. 2. С. 45]. Таким образом, в анализируемом тексте образ Чичикова концептуализирован – это «*пройдоха, умеющий делать деньги из воздуха*». Автор рассматривает образ Чичикова/концепт пройдохи в историческом развитии и использует ряд прецедентных имен и текстов для его толкования:

1. «*Он (Чичиков) не был **скупым рыцарем** и вообще рыцарем не был. Жизнь в нищете и ежедневные походы в подвал, где в бликах сального огарка в сундуках мерцает золото, были не по нему*» [13. Т. 2. С. 45] – аллюзия на трагедию А.С. Пушкина «Скупой рыцарь».
2. «*...Чичиков воскрес на страницах творений Ильфа и Петрова. Как и в начале «Мертвых душ», в начале «**12 стульев**» главный герой приходит в уездный город N в поисках авантюрных и легких заработков*» [13. Т. 2. С. 48] – сравнение Чичикова и Остапа Бендера.
3. «***Господин Корейко из «Золотого теленка»** – это ведь тоже Чичиков. Это сребролюбец и ловкач, который скрывается под образом мелкого служащего, как и сам Пал Иванович когда-то...*» [13. Т. 2. С. 48] – обобщение черт Чичикова и господина Корейко.

О. Андрей, анализируя образ Чичикова при помощи других прецедентных имен, приводит читателя к сопоставлению «Чичиков – Иуда», тем самым предлагает читателям христианское понимание образа Чичикова. Автор сравнивает два высказывания: «*И в тебе, и во мне есть часть души иудиной*» – так говорит в одной из проповедей на Страстной седмице архимандрит Иустин (Попович). Гоголь говорит примерно то же. Он говорит, что быть слишком строгим не нужно. Стоит проверить себя, нет ли во мне частицы Павла Ивановича?» [13. Т. 2. С. 46]. Таким образом, отождествляя Чичикова и

Иуду, их общую страсть – сребролюбие, автор призывает адресата к самоанализу.

Проповедь «Город. Тюрьма в гирляндах» из книги «О мире и человеке» [14. С. 29–35] посвящена теме человеческой души, свободы и искушений, подстерегающих человека в городе. Эту тему о. Андрей раскрывает на примере анализа фрагмента поэмы А.С. Пушкина «Цыганы». Автор вводит прецедентный текст двумя способами, при помощи пересказа и прямого цитирования отрывка. Приведенный фрагмент подвергается анализу и служит отправной точкой рассуждений о. Андрея о современном человеке, живущем в городе. Таким «высказыванием-стимулом» становится отрывок «*Любви стыдятся, мысли гонят, / Торгуют волею своей, / Главы пред идолами клонят / И просят денег да цепей*», определяемый автором как «*психологический портрет раба – усредненного жителя города*» [14. С. 31].

В ходе размышлений над приведенным фрагментом автор так же, как и в первом примере, использует и другие прецедентные тексты и имена:

1. «Алеко у Пушкина – гордец. Убедив из города, он на природе проливает кровь, странно сближаясь с другим литературным персонажем – **шукшинским беглецом** из лагеря в рассказе *“Охота жить”*» [14. С. 33]. В данном примере автор проводит параллели между двумя персонажами из разных произведений, подчеркивая для верующего читателя подверженность человека греху.
2. «Для доброго немца **Гофмана** город – это безликая сила, способная любого изломать» [14. С. 34]. Имя Э.Т. Гофмана здесь выполняет не только привычную функцию онима, но и отсылает читателя ко всему художественному миру писателя. «Неволя душных городов» Пушкина и мнение Гофмана о городе служат о. Андрею аргументами к тезису о том, что «город – это тюрьма».

На протяжении всего текста о. Андрей, привлекая указанные прецедентные феномены, рассуждает о сложностях жизни в городе, но в финале приходит к выводу о том, что все зависит от самого человека. Итог своих рассуждений автор вновь иллюстрирует цитатой из пушкинского претекста: «*Укорив вначале городское рабство и воспев природную простоту, Пушкин заключает все же, что: “Счастья нет и между вами, / Природы бедные сыны! / И под издранными шатрами / Живут мучительные сны!”*» [14. С. 35].

Так, поэма А.С. Пушкина «Цыганы» становится материалом для рассуждений о свободе, дарованной Богом человеку. Цитирование фрагментов поэмы, упоминание героя рассказа В.М. Шукшина, имени Э.Т. Гофмана служат способом выражения авторской позиции по анализируемой им проблеме.

В основе статьи «Помазанные цивилизацией» [15. Т. 1. С. 96–102] лежит интерпретация романа Уильяма Джеральда Голдинга «Повелитель мух».

Прежде чем ввести содержание романа Голдинга в свой текст, о. Андрей сравнивает его с романом Д. Дефо «Робинзон Крузо». Автор приводит краткий обобщенный пересказ «Робинзона Крузо» и заключает: «*Весь роман Дефо есть жуткая ложь о человеке*» [15. Т. 1. С. 97], в отличие от «Повелителя мух»: «*Голдинг, сам к тому не стремясь, сказал нам правду о человеке*».

О. Андрей пересказывает некоторые отрывки романа, сопровождая текст произведения комментариями. Например, «*Первой человеческой жертвой становится Саймон. Он понял, что чудовища нет на острове. Вернее, есть, но не то, которого боятся мальчишки. «В каждом из нас есть чудовище», – бежит сказать мальчишкам Саймон. Он только что был у полусгнившей головы, облепленной мухами (это и есть «Повелитель мух») и там много понял. Эти страницы читаются с наибольшим волнением. Нет смысла их пересказывать – их нужно прочесть. Но важно отметить то, что из-под пера Голдинга в этом месте появляется гордый и хитрый дух – истинный виновник всех бед человеческих*» [15. Т. 1. С. 101].

Комментируя роман, о. Андрей прибегает к использованию прецедентных феноменов:

1. Высказывания: «*Тот древний язычник, сказавший: «Познай себя самого», был мудрее нас, познающих все, что угодно, лишь бы, не “повернуть глаза зрачками в душу”*» [15. Т. 1. С. 96]. В данной фразе автор соединил два высказывания – античную надпись на стене храма Аполлона в Дельфах и цитату из трагедии У. Шекспира «Гамлет» в переводе Б. Пастернака.
2. Имена: «*Спасибо Голдингу, он наотмашь хлещет лгуна **Руссо** и не оставляет от него (а значит, от **Толстого** и многих других) камня на камне*». [15. Т. 1. С. 102]. В данном контексте прецедентные имена не только выступают как имена собственные, но и отображают мировоззрение писателей. Такое значение усиливается за счет того, что автор статьи вступает с ними в полемику: «*Человек, говорите вы, по природе хорош, нужно лишь избавиться его от лжи культуры, города и цивилизации? Вот вам «хороший» человек на лоне природы – прочитайте «Повелителя мух»*» [15. Т. 1. С. 102].

В завершении интерпретации романа, о. Андрей презентует главную его идею, созвучную христианскому представлению о том, что природа человека повреждена грехом: «*Грех обезобразил всех и каждого. Это то чудовище, которое живет в каждом. Голдинг подвел нас к той мысли, которую понял Саймон (герой романа)*» [15. Т. 1. С. 102].

Модель рассмотренных нами текстов проповедей можно представить в виде интертекстуального поля. Ядром этого поля является художественный текст, лежащий в основе проповеди. Периферия поля представляет собой интерпретацию художественного текста, осуществляемую в том числе с помощью привлечения других прецедентных феноменов: имен, высказываний. Автор соотносит идеи анализируемого им текста с христианскими идеями и ценностями, но, в отличие от традиционной проповеди, не дает адресату готового вывода, а подводит к нему. Описанная модель проповеди, основанной на художественном тексте, представлена на схеме «Интертекстуальное поле проповеди». (Схема)

Заключение

Интертекстуальность – важная составляющая текстов религиозного дискурса, ее основной функцией является текстопорождение. Современная православная проповедь выходит за рамки своего традиционного опреде-

ления за счет стирания дискурсивного хронотопа, ее основными содержательными характеристиками остаются опора на Библейский текст, толковательная и назидательная речевые стратегии.

Публицистические тексты о. Андрея Ткачева можно считать проповедническими, так как имплицитно они опираются на идеи Священного Писания, обращены к адресату с разъяснением и нравоучением. Текст проповеди представляет собой интерпретацию художественного произведения. Особенностью автора является привлечение большого количества прецедентных феноменов. Включенные в текст имена и прецедентные тексты, апеллируя к фоновым знаниям читателя, помогают автору раскрыть суть рассматриваемого персонажа или фрагмента произведения и обозначить проблему. Идеи выбранных произведений автор пропускает сквозь призму христианского мировоззрения и, в отличие от традиционной храмовой проповеди, не дает адресату готового вывода, а только подводит к нему.

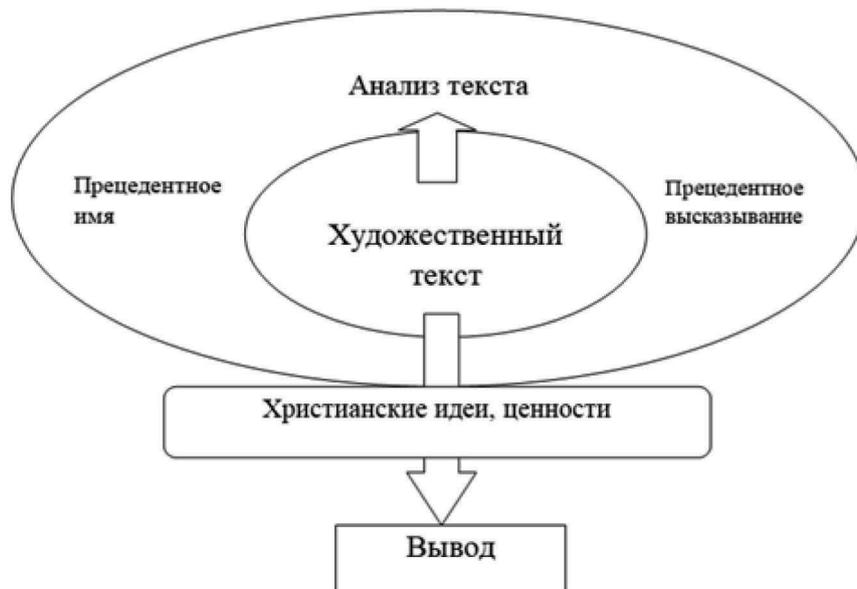

Схема «Интертекстуальное поле проповеди»

ЛИТЕРАТУРА

1. Мечковская Н.Б. Язык и религия: Лекции по филологии и истории религий. М., 1998. – 352 с.
2. Кошелева Т.И. Интертекстуальность в религиозном дискурсе / Вестник Новгородского Государственного университета №47, 2008. – с. 75-77.
3. Бобырева Е.В. Интертекстуальность проповеди как жанра религиозного дискурса / Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания» №5 (39) Июль 2015. – с. 46-50.
4. Прохватилова О.А. Экстралингвистические параметры и языковые характеристики церковно-религиозного стиля / Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2006. – с. 19-26.
5. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова СПб., 2014. – 1534с. – Режим доступа: <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=проповедь&all=x> – (Дата обращения 23.05.2022).
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 2010. – 640с.
7. Православный энциклопедический словарь, М., 1998. // Режим доступа: <https://rus-pravoslavniy-dict.slovaronline.com> - (Дата обращения 23.05.2022).

8. Звездин Д.А. Православная проповедь как жанр церковно-религиозного стиля современного русского литературного языка (на примере текстов второй половины XX века): Дис. ... канд. фил. наук. – Челябинск, 2012. –192с.
9. Пономаренко И.Н. Досетевой и электронный гипертекст в современном информационном пространстве // Образование–наука–творчество. – 2005 № 3. – С. 48–54.
10. Сахарова Е.Е. Прагмалингвистические особенности проповеднического дискурса (на материале русского и немецкого языков): Автореф. дис. ... канд. фил. наук. Ростов н/Д, 2014. 22с.
11. Православная энциклопедия / Под общ. ред. патриарха Алексия II: в 36 т., М., 2006. Т. XII. – 751с.
12. Золотухина Е.Н. Категория интертекстуальности в современном русском языке: Автореф. Дис. ... канд. филол. наук. – Киров, 2009. 27 с.
13. Ткачев А. Мы вечны! Даже если этого не хотим. Книга 2. Симферополь, 2014. – 608 с.
14. Ткачев А. О мире и человеке: сборник статей. М., 2015. – 707с.
15. Ткачев А. Мы вечны! Даже если этого не хотим. Книга 1. Симферополь, 2014. – 304 с.

© Хамраева Алена Александровна (alenska.lera@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Кубанский государственный университет